

Л. И. КУЛАКОВА

КОГДА НАПИСАНА БАСНЯ «ЛИСИЦА-КАЗНОДЕЙ»?

Значителен вклад советских литературоведов в области изучения биографии и творчества Д. И. Фонвизина. Однако отсутствие документальных данных оставляет неразрешенными многие вопросы, рождает новые сомнения. На каком основании, например, все единодушно называют басню «Лисица-казнодей» одним из первых произведений сатирика? Верно ли это?

Рассмотрим историю вопроса. В собрании сочинений Фонвизина 1829 г. сказано, что басня написана на смерть Потемкина. Указание это абсурдно, так как «Лисица-казнодей» напечатана в 1787 г., за четыре года до смерти вельможи. Та же дата — октябрь 1791 г. — сохранилась в материалах Остафьевского архива.¹ П. А. Вяземский учел несообразность данных сведений и не датировал басни, заметив только, что «первое покушение» Фонвизина на поприще поэзии относится к началу 60-х годов. что он «не был рожден поэтом ... хотя и оставил несколько хороших стихов в „Послании к слугам“ и в басне „Лисица-казнодей“».²

Приняв похвалу за датировку и не учтя, что «Послание» названо раньше «Лисицы-казнодея», А. П. Пятковский сказал, что из ранних сатир Фонвизина ничего не дошло до нас, «кроме басни „Лисица-казнодей“, которая, вероятно, была написана около 1762 г.». В «Библиографических заметках» Пятковский включил басню в раздел произведений 1762 г. Мотивировать свою точку зрения Пятковский не стал, а лишь опроверг указание издателей собрания 1829 г., сообщив, что она напечатана в сборнике «Распускающийся цветок» 1787 г. и что Фонвизин «сам отдал ее для напечатания».³ Каким образом писатель, находясь за границей, мог сам отдать басню, Пятковский не объяснил. Вероятно,

¹ См.: К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина. Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 294.

² П. Вяземский. Фон-Визин. СПб., 1848, стр. 35.

³ Сочинения, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фонвизина СПб., 1866, стр. XIV и 662.

он просто вольно истолковал слова издателей сборника, выражавших признательность «славному стихотворцу, известному свету многими своими громкими сочинениями, который доставил им сию басню для поощрения их к дальнейшему получению вкуса в свободных науках».⁴

Ничем не подтвержденная датировка (1762 г.) прижилась во всех работах, посвященных Фонвизину. Но, приняв ее, мы сталкиваемся с рядом неразрешимых вопросов.

Фонвизин дорожил басней. В объявлении об издании полного собрания сочинений и переводов 1788 г. он назвал лишь две стихотворные сатиры: «Лисица-казнодей» и «Послание к Шумилову».⁵ Через четыре с лишним года писатель накануне смерти встретился с И. И. Дмитриевым. «Он приступил ко мне с вопросами о своих сочинениях: знаю ли я „Недоросля“? читал ли „Послание к Шумилову“, „Лису-казнодейку“, перевод его „Похвального слова Марку Аврелию“ и т. д.; как я нахожу их?».⁶

Чем же можно объяснить, что в «Чистосердечном признании», написанном также в конце жизни, писатель, перечисляя свои важнейшие произведения 1760-х годов, в том числе «Послание к Шумилову», не упомянул «Лисицы-казнодея»? Забыл одну из двух признанных им самим стихотворных сатир? Отнес ее к разряду тех незрелых сочинений, в которых, по его словам, «было много сатирической соли, но рассудка, так сказать, ни капли»? Этому противоречат и оценка басни в «Распускающемся цветке», где она помещена как образец для поощрения молодежи к «получению вкуса в свободных науках», и текст объявления в «Санкт-петербургских ведомостях», и рассказ Дмитриева.

Трудно понять также, почему Фонвизин 25 лет не печатал произведения, а после анонимной публикации 1787 г. включил в собрание сочинений, которое собирался издавать. Едва ли он в 60-е годы боялся остроты его, а затем осмелел. Иное по характеру, но по-своему не менее остро сатирическое «Послание к слугам» напечатано в 1769 г. и не раз перепечатывалось. Общеизвестно также, что конец 80-х годов был менее благоприятным, чем период показного либерализма Екатерины II. И цензура (особенно духовная) стала строже, и положение Фонвизина изменилось к худшему.

Говорят, что «Лисица-казнодей» была широко известна публике до печати.⁷ Когда? Кому? Новиков, конечно, знал написанное Фонвизиним. Почему же он называет в «Опыте исторического словаря о российских писателях» все художественные произведе-

⁴ «Распускающийся цветок, или Собрание разных сочинений и переводов, издаваемых питомцами учрежденного при Московском университете Вольного благородного пансиона», М., 1787, стр. 67.

⁵ См.: Г. П. Макогоненко. Денис Фонвизин. Гослитиздат, М.—Л. 1961, вкладка к стр. 336.

⁶ И. И. Дмитриев, Сочинения, т. 2, СПб., 1893, стр. 39.

⁷ См.: Г. П. Макогоненко. Денис Фонвизин, стр. 335.

ния и переводы Фонвизина до 1771 г., а из сатир лишь «Послание к слугам» и «Матюшку-разносчика»? Неужели у Новикова не хватило критического чутья и он счел, что «остроты разума и тонкости в сатирах» в «Лисице-казнодее» меньше, чем в «Матюшке-разносчике», и отнес басню к числу «острых и весьма хороших произведений», не названных по причине их незначительности? Непохоже на Новикова.

Враги иногда бывают точнее друзей. Но А. С. Хвостов в своем «Послании к творцу „Послания“», написанном в 1781 г., издевательски перебрал все произведения Фонвизина вплоть до «Матюшки-разносчика» и «Послания к Ямщику», а «Лисицы-казнодея» нет и у него.⁸ На чем же базируется версия об известности басни? Ведь ее не знали и читатели. Часто встречающаяся в списках конца XVIII и начала XIX в., «Лисица-казнодей» не попадает в рукописных сборниках 60-х годов.

Но если ни друзья, ни враги, ни читатели не слыхали о басне до 1787 г., если сам писатель, уже признав свое авторство, не назвал ее среди произведений 60-х годов, что остается от гипотезы Пятковского? Не разумнее ли полагать, что получившая известность после публикации и тогда же названная Фонвизиным среди основных произведений басня написана незадолго до того, как она была напечатана, т. е. в 1780-е годы?

Вопрос этот не привлекал внимания исследователей, вероятно, потому, что отнесенная к 1762 г. басня легко ассоциируется с конкретным событием — смертью императрицы Елизаветы Петровны и произнесенными по этому поводу речами. В этой связи она обычно и рассматривается. «Фонвизин выступает в своей басне как ненавистник российской деспотии, российских политических порядков вообще и в то же время как ненавистник духовенства, елейно прославлявшего все то, что возмущало Фонвизина», — пишет Г. А. Гуковский.⁹ С этой оценкой нельзя не согласиться, как нельзя не согласиться с П. Н. Берковым, несколько расширившим круг возможных адресатов сатиры: «Пока не установлено еще, против кого персонально обращена басня Фонвизина, против определенного ли светского оратора, или какого-нибудь духовного проповедника, против ли тогдашних одописцев, — не подлежит во всяком случае сомнению то, что басня эта написана не ради острословия, а как выражение возмущения политикой российских самодержцев и их панегиристами».¹⁰ Все это абсолютно верно характеризует басню, но не объясняет, почему она относится к началу 60-х годов. Разве названные качества не характеризуют мимовозроение зрелого Фонвизина?

⁸ П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. V, СПб., 1880, стр. 216—220.

⁹ История русской литературы, т. IV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 157.

¹⁰ П. Н. Берков, Театр Фонвизина и русская культура. — В сб.: «Русские классики и театр». Изд. «Искусство», М.—Л., 1947, стр. 14.

К. В. Пигарев, кажется, находит веские доказательства датировки: «Выдержанная в высоком стиле, она (речь Лисицы, — Л. К.) своей витиеватой лексикой . . . напоминает образцы официальных надгробных речей, произносившихся у церковного амвона». В примечании К. В. Пигарев рассказывает о живучести басни: когда в 1894 г. В. О. Ключевский произнес «Похвальное слово» умершему императору Александру III, кто-то, возмущенный верно-подданнической речью ученого, прислал ему переписанный от руки текст басни Фонвизина.¹¹

Все кажется правдой и все колеблется, едва мы обратимся к фактам.

Последний российский самодержец действительно чтит память своего отца. Отсюда и речи, и памятник, воздвигнутый в Петербурге. Однотипной ли была ситуация начала 1762 г.? Посмотрим газеты, в первую очередь московские, так как Фонвизин жил в Москве.

Елизавета умерла 25 декабря 1761 г. С известием о вступлении на престол нового императора 31 декабря в Москву причаился граф И. Л. Воронцов. 1 января в Успенском соборе совершилось молебствие во здравие нового императора. «Сие всерадостное приключение во всем городе и во всех домах торжественно происходило с великим веселием и всенародным искренним торжеством», — сообщили 4 января «Московские ведомости».

В последующих январских номерах (5, 8, 10, 15) сообщается о речах в честь знаменательного события. Они произносились в Петербурге преимущественно архиепископом новгородским Дмитрием Сеченовым. Текст речи, произнесенной в день похорон (5 февраля 1762 г.), в «Московских ведомостях» не был напечатан. Во всех остальных имя Елизаветы упоминается вскользь или вовсе не упоминается, а бесконечные похвалы рассыпаются в адрес Петра III. Новому императору посвящены и оды, печатавшиеся в журналах.

На смерть Елизаветы откликнулся Сумароков; Ломоносов изготовил надгробную надпись для статуи, воздвигнутой в Петербурге в траурном зале императрицы.¹² В ней есть многое из того, о чем говорит Лисица: вспоминается кротость Елизаветы, ее щедрость, величие; но, живя в Москве, Фонвизин мог не знать надписи, и все, что мы знаем об отношении Фонвизина к Ломоносову, сам облик поэта-ученого, автора «Гимна бороде», исключает сопоставление его имени с лицемерным святошю. Мало подходил под этот образ и Сумароков.

Таким образом, если видеть в басне отражение событий начала 1762 г., наиболее вероятным прототипом Лисицы-казнодея можно

¹¹ К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина, стр. 72 и 295.

¹² См.: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 8, Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 768.

считать Дмитрия Сеченова. Но этот умный изворотливый архиепископ, рассыпавшийся в похвалах Елизавете при ее жизни, после 25 декабря упоминал ее имя лишь мимоходом, насколько того требовало приличие (а иногда и вовсе не упоминал), зато был неистощим в приписании добродетелей Петру III. И странно было бы, если бы он вел себя иначе. Известно, что Петр III терпеть не мог своей тетки, вел себя беспардонно во время траура, поступал вопреки политике Елизаветы. В этих условиях добрые слова в память умершей могли вызвать недовольство монарха. Ссориться с ним Дмитрий Сеченов не хотел и только позднее, почувствовав назревание заговора, как истинная лисица, стал сближаться со сторонниками Екатерины.

Если учесть все эти обстоятельства, более убедительной кажется точка зрения Г. П. Макогоненко. Он датировал басню 1763 г. и высказал предположение, что она написана после вступления на престол Екатерины II и «показывает отношение Фонвизина к тому шуму, который был поднят вокруг „добродетелей“ Екатерины II и ее „просвещенного режима“». ¹³ В двухтомном собрании сочинений Фонвизина басня датируется более неопределенно — 1762—1763 гг., но толкование остается прежним: «Смена монархов, приход к власти Екатерины II в результате дворцового переворота помогали Фонвизину понять пороки самодержавного правления вообще, увидеть и возненавидеть фаворитизм, произвол, „тирански страсти“». ¹⁴

Звучит сильно. Но, как показывает Г. П. Макогоненко далее, юный писатель верил вначале в добрые намерения Екатерины и по мере сил старался своими трудами помочь начинаниям новой монархини. И на самом деле: на каком основании можно было говорить о «тиранских страстях» только что вступившей на престол государыни? Ее истинное лицо раскрылось позднее, а на первых порах она обманула не только вчерашнего студента, но и более зрелые и опытные головы как в России, так и в Европе.

Итак, ни свидетельства Фонвизина и его современников, ни историческая обстановка начала 60-х годов, ни духовный путь писателя — ничто не подтверждает общепринятой даты. Проследив их, мы неизбежно приходим к выводу, что басня написана после «Послания к творцу „Послания“» Хвостова, т. е. между 1782 и 1787 г. Уточнить датировку в пределах этих лет труднее. Думается, что это не 1782 год, когда писатель был занят постановкой «Недоросля» и «Рассуждением о непременных государственных законах». Далее: 1783 год — период полемики в «Собеседнике»; с июня 1784 г. Фонвизин был год в Италии; по воз-

¹³ Г. П. Макогоненко. Д. И. Фонвизин. Изд. «Искусство», М.—Л., 1950, стр. 33—35.

¹⁴ Д. И. Фонвизин, Собр. соч. в двух томах, т. I, М.—Л., 1959, стр. X—XI.

вращения его разбил паралич, оправившись от которого, он в июне 1786 г. выехал вновь за границу и вернулся уже после выхода в свет сборника «Распускающийся цветок». Переслал ли он басню брату из Вены или написал до отъезда? Когда он нашел время для нее? Нашел, как нашел для перевода «Рассуждения о национальном любочестии» и «Каллисфена», также напечатанных в отсутствие автора или в период его болезни.

Не исключено, что «Лисица-казнодей» является продолжением полемики в «Собеседнике». В ответ на приказ: «Проповедей не списывать и нарочно оные не сочинять» — Фонвизин создал образец проповеди, которая приходится по сердцу монархам. Речь Лисицы построена на приемах духовных и светских похвальных слов, посвященных преимущественно живым, а не умершим правителям. Кроме того, в нее включены штампы одической поэзии, в которых Екатерина характеризовалась как «царица мудрая во всем известном мире» (О. Козодавлев), «Виновица нам вечных благ» (В. Петров), «Кротка, премудра героиня» (Е. Костров), «Ангел кроткий, ангел мирный», «Едина ты лишь не обидишь, Не оскорбляешь никого» (Г. Державин) и т. д.

Премудрость, кротость, благостыня
Престола твоего твердыня, —

писал Е. Костров, вместе с другими неустанно славивший

Екатерины доброты,
Ее душевные щедроты.

Набор этих слов повторяет и Лисица, толкуя о «премудрейшем» «кротком владыке», восхваляя

... число его доброт,
Пучину благодати, величия, щедрот.

Создатель «Недоросля» уже знал меру «благодати», «доброт» и «щедрот» в самодержавном государстве.

Трон кроткого царя, достойна алтарей,
Был сплочен из костей растерзанных зверей!
В его правление любимцы и вельможи
Сдирали без чинов с зверей невинных кожи.

Это тоже повторение. Повторение «Рассуждения о непременных государственных законах», «Каллисфена» — всех гневных произведений 80-х годов. Обыгрывание слов «знатному скоту льстят подлые скоты» близко к «Опыту российского сословника», где разъясняется значение слов «подлый», «скот», где речь идет о знатных подлецах, о тех, кто добровольно становится скотом, кто «подл душою».

Создав образы широкого обобщения, сатирик все-таки сказал, к какому времени относится басня. В образе издохшего «с тоски и голоду» придворного художника, который

по новому манеру
Альфреско расписал монаршую пещеру, —

очень определенное временное указание. Именно в 1780—1787 гг. к Эрмитажу — личным покоям Екатерины II — была пристроена галерея, расписанная точным подобием фресок Рафаэля.

В пользу датировки басни началом 80-х годов говорят факты. За шестидесятыми стоит вековая традиция — и только. Сторонники ее могут сказать: «Известно, что Фонвизин писал стихи только в молодости». Не вернее ли «преимущественно в молодости»? Ведь только магия традиций заставляет В. П. Семенникова опровергать документальное показание С. П. Жихарева, который приводит текст эпиграммы Ямщикова на Фонвизина, вызвавшей ответное «Послание к Ямщику», которое, по предположению Вяземского, послужило поводом «Послания к творцу „Послания“» Хвостова 1781 г.¹⁵ Но это уже тема для другой заметки. А стихотворная басня «Лисица-казнодей» каждой строкой своей близка к творчеству Фонвизина 80-х годов, когда ненависть к тем, «кто к счастью бредет презренными путями», и к той, что силой власти поощряет их, пронизывает драматургию, прозу, письма сатирика

¹⁵ См.: «Русский библиофил», 1914, № 4, стр. 75; С. П. Жихарев. Записки современника. М.—Л., 1955, стр. 473—474; Вяземский. Фонвизин, стр. 271.